

**Единение российского общества
в эпоху Отечественной войны 1812 года:
причины и следствия**

О факте единения российского общества в эпоху 1812 года нет смысла рассуждать. Тема эта избезженная, и само единение давно доказано. Совершенно упущена специалистами тема исследования причин этого единения. Собственно, и здесь, казалось бы, все ясно: патриотизм и только патриотизм есть причина объединения всей России. Однако, что кроется за этой почтенной категорией, отнюдь, не понятно. За ней часто скрывается многое, но «пощупать» нечего. Бездоказательность выглядит как голословие и ведет к отторжению. Если патриотизм есть комплекс неких потребностей личности, группы или общества в целом, побуждающий к определенным действиям во благо Отечества, то следует определить эти потребности и, быть может, выделить главенствующие из них.

Что касается следствий, то они тоже хорошо известны: европейский «тиран» и «ужас мира», как характеризовал Наполеона А.С. Пушкин, был лишен власти и сослан на о-в Эльба. Таким образом, буржуазная Европа была лишена своего катализатора непрерывной агрессии.

Другое дело, если под следствиями мы будем иметь в виду изменения в механизмах общественных процессов, происходивших в европейских странах и России, либо, напротив, в закреплении существовавших в России механизмов, которые привели-таки к победе и усилению России на международной арене, либо влияние объединительных общественных процессов в России на механизмы общественных взаимодействий в Европе и т.д. Исследования таких причин и следствий было бы весьма полезным и для современной исторической науки, и для современной науки об обществе, которая после низвержения классовой, экономической по сути, теории развития К. Маркса опустилась уже, как говорится, ниже плинтуса и мечется между либидо по Фрейду и либидо по Смигу. Вместе с тем это позволило бы вести научно обоснованную современную политику в государственном строительстве России. На наш взгляд, это можно было бы считать главным желаемым следствием исследования процессов единения российского общества в эпоху Отечественной войны 1812 года.

Таким образом, сегодня становится очевидной необходимость комплексного, интегрального исследования эпохи наполеоновского нашествия на Россию. Необходимо новое глобальное изучение архивных материалов, позволяющее вскрыть те самые глубинные потребности общества, которые были в 1812 г. Дело не столько в исторически объективных фактах, которые, конечно, всегда полезны, сколько в концептуальных моментах их интерпретации, в их новом видении, новом глобальном прочтении. Исследователю необходимо освободиться от мировоззренческих догм, поразивших мышление в XX столетии, впитанных с кровью отцов и матерей, и найти новые механизмы общественного развития.

Позвольте заметить, что методология современной исторической науки вызывает у передовых историков справедливое сомнение в ее дееспособности. Вот что писал в 2005 г. по этому вопросу автор научного труда «Русская история: новое прочтение», научный сотрудник Российской академии наук В. Д. Соловей: «...появившиеся в отечественной историографии новые оригинальные интерпретации и концепции исторических феноменов, проблем и периодов, как правило, имеют локальное значение, не носят трансисторического характера, не позволяют вскрыть сквозную логику отечественной истории. Более того, отечественная историография чуждается теоретизирования и даже концептуальной ясности (выделено мной. — А.Ш.), спонтанно придерживаясь позитивистской позиции, что во многом обесценивает ее незаурядные достижения»ⁱ. Очевидно, чтобы преодолеть сложившуюся недееспособность историографии необходимо с новых, не зашоренных позиций исследовать ключевые периоды отечественной истории, к которым, безусловно, следует относить эпоху Отечественной войны 1812 года. Таким образом, постепенно место методологического вакуума и порожденного им мелкотемья должны занять концептуальные построения, использующие обновленную фактологическую базу и современный системный подход, как наиболее передовую методологическую основу изучения общественных процессов. Речь идет о синергетическом подходе к социальным процессам и социальным структурам, в котором ключевое значение имеют понятия самосохранения и самовозобновленияⁱⁱ. Современный исследователь эпохи Отечественной войны 1812 года может и должен изыскать в общественных взаимосвязях и взаимодействиях ту фактическую, естественную, как писал 150 лет назад русский философ-энциклопедист Н.Я. Данилевский, системность, которая реально присутствовала в общественной жизни русской нации и в конечном счете обеспечила ее самосохранение

в борьбе с «двунадесятиязычным» неприятелемⁱⁱⁱ. Пора уйти от патологических умозаключений о решающей роли в победе над наполеоновской армией вдруг наступивших зимних холодов или воли Божией, граничащих либо с шизофренией, либо с умышленной дискредитацией роли русского народа (в том числе и православных русских священнослужителей) в исторической победе. Необходимо найти реальные и вполне разумные объективные причины произошедшего объединения общества и победоносных для России событий.

В представлении объединительных механизмов российского общества начала XIX в. вполне правомерно использование понятия соборности. Это понятие, прежде использовавшееся только богословами, теперь в научном обороте у современных исследователей^{iv}. Соборность — это проявление высокодуховного объединительного механизма различающихся индивидов, коллективов, групп, слоев, этносов, народов и даже конфессий. В российском обществе эти различия имели весьма яркий характер. Имущественные, правовые, образовательные, конфессиональные и другие культурные отличия отдельных слоев общества более чем разительны. Тем более интересен механизм объединения такого разнородного общества. Чем выше уровень соборности, тем выше и шире высокодуховный механизм объединения. Примерами такой высокодуховной соборности и являются объединения противостоящих и даже противоборствующих слоев русского общества в опасные для Отечества времена.

Так было в Смутные времена начала XVII в., в Отечественную войну 1812 года и даже в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.

Что же объединяло население России в борьбе с иноземцами, скажем, в период Смуты? Естественно предположить, что первопричиной была опасность, нависшая над каждым человеком, его домом и семьей. Опасность заключалась не только в прямом лишении жизни или средств к существованию. Подвергалась опасности основа традиционной организации российского общества - семейно-родовая культура.

Известно, что, избегая насилия и грабежа чужеземных банд, население из сел и деревень в глубинке Московии вынуждено было уходить в леса, жить несколько лет в землянках, сталкиваясь с доселе невиданным - например, насиланием жен, убийством детей, испытывать оскорбления православной веры и устоявшегося традиционного семейно-родового уклада^v. Притеснению, оскорблению и грабежу тогда подверглись все слои населения. Но изначально особенно заметным был голос протеста многочисленного крестьянского сословия. Уже в 1-м ополчении, возглавленном Прокопием Ляпуновым, было немало представителей простого народа, вставшего на защиту своего семейно-родового уклада. Будучи по большей части выходцами из окраины Московии, они и их семьи в наибольшей степени подверглись нашествию банд пришлых казаков, черкесов, польско-литовских и шведских отрядов. Решительно и самоотверженно казаки и крестьяне окраины встали на защиту семейно-родовых ценностей, освященных Православной Верой, и традиционного государственного порядка, так или иначе, их обеспечивавшего.

О семейно-родовой мотивации сбора 2-го ополчения — ополчения Минина и Пожарского — известно больше. Во многих источниках указывается на речь Минина перед жителями Нижнего Новгорода, в которой он предлагает купцам сделать взносы на ополчение как своеобразный выкуп за своих жен и дочерей. Речей таких было несколько. Вот слова одной из них, реконструированные по летописям: «Люди нижегородские! Не обессудьте, что в будний день велел звонить в колокола, что созвал вас, да сроки не терпят. Вы видите конечную гибель русских людей. Видите, какой позор несут русскому народу поляки. Не всё ли ими до конца опозорено и обругано? Где бесчисленное множество детей в Ваших городах и селах? Не все ли они лютыми и горькими смертями скончались, без милости пострадали и в плен уведены? Враги не пощадили престарелых возрастом... Проникнитесь же сознанием видимой нашей гибели, чтобы нас самих не постигла такая же участь... Без всякого мешканья надо поспешать к Москве... Если нам похотеть помочь государству, то не пожалеем животов наших, да не только животов... двory свои продадим, жен и детей заложим, чтобы спасти Отечество...». В хронике начала XVII в. сказано: «...и двory свои продавать, и жены, и дети...»^{vi}.

В купеческой среде, также как и во всех других слоях Московии, важнейшим было отношение к женам, детям и престарелым родителям. Предложение выкупа жен и детей было весьма действенным ходом в патриотических речах Минина и купцы отвечали активным сбором средств на обеспечение ополчения.

Неимущая часть населения, главным образом с окраин Московии, подвергшегося наибольшему разорению, также принимала участие в сражениях с иноземцами совместно со 2-м ополчением Минина и Пожарского. В частности, они были в составе казачьего ополчения под предводительством князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, признанного, кстати, также как Минин и Пожарский, «Спасителем Отечества», но сегодня почему-то

забытого. Известный телеведущий канала «Культура» Феликс Разумовский относит эти казацкие отряды к бандам. И напрасно. Эта часть ополчения, называвшаяся «гольтьбой», была мотивирована тем же желанием спасения своих семей и православного семейно-родового уклада от поругания, разорения и гибели. Его помощь ополчению Минина и Пожарского имела даже в ряде случаев решающее значение и способствовала изгнанию поляков, что отмечается многими историками, и в частности Казимиром Валишевским. Они отмечают, что Пожарский опасался классовой агрессивности казацкой «гольтьбы» к боярам и высшему духовенству, мщению за присягу польскому королевичу Владиславу, за предательство и очень осторожно привлекал отряды Трубецкого к военным действиям. Скорее всего, с подачи напуганных бояр и некоторых услужливых историков несколько столетий отряды Трубецкого тоже относили к бандитским. Между тем бескорыстное и самоотверженное участие «гольтьбы» в решающих сражениях давно доказано. Общий итог — изгнание иноземцев, наведение порядка в стране и выборы нового царя Михаила Федоровича Романова в 1613 г. при участии казацкой «гольтьбы» — говорят сами за себя. Можно лишь задавать вопрос, кому было выгодно такое представление о казачестве и простом народе на протяжении прошедших веков.

Итак, можно констатировать общее стремление ополченцев к традиционному порядку: возрождению семейно-родового уклада, православной культуры и государственности вне зависимости от сословного положения и классовых интересов различных групп населения.

Исследователь эпохи Отечественной войны 1812 года может найти массу примеров угроз для российской семейно-родовой культуры со стороны наполеоно-европейского нашествия, оскорбления национально-конфессиональных святынь России и т.п. Все это потребовало частной и общественной защиты духовных ценностей и ценностей традиционной семейно-родовой культуры, объединения всего общества на борьбу с врагом. При желании исследователь может даже показать некоторые из приемов государственного управления в жестокую годину испытаний, в частности вполне осмысленных и акцентированных действий императора Александра I, позволивших ускорить объединение российского общества и направить его деяния в конструктивное русло самоотверженного служения Отечеству и славных побед^{vii}. Отдельные из этих действий были показаны автором на предыдущих конференциях.

Возникает справедливый вопрос, что представляет собой семейно-родовая культура и каковы ее функции, которые актуализируют потребность к объединенному противодействию неприятелю и защите государственности.

Здесь уместно показать, что между семейно-родовой культурой и высокодуховными механизмами объединения общества существует прямая связь. Если сегодня подходить к исследованию человеческого сообщества с позиции системности и особой сложности объекта, обойтись без признания исключительной важности института семьи нельзя. Дело в том, что семья играет не только определяющую роль в создании трудовых ресурсов для общества или является достаточно простой экономической ячейкой потребления общества, о чем твердят многие современные исследователи. Человеческая семья — это самый сложный механизм многофункционального возобновления общества, который был сформирован в течение десятков, если не сотен тысячелетий. Во все времена развития человечества он должен был обеспечивать исполнение нескольких задач по непрерывному и последовательному возобновлению жизнедеятельного процесса. К таким задачам или функциям института семьи мы можем сегодня в первую очередь отнести следующие:

- функцию биологического возобновления народонаселения;
- функцию социального возобновления общества;
- функцию духовного возобновления общества.

Таким образом, институт семьи является основой механизма формирования новых поколений, их социальной и духовной адаптации в уже существующем обществе. Вместе с тем он является возобновляющим и развивающим генератором духовности в обществе, обеспечиваемым совокупным влиянием духовно развитых индивидуумов на общество. Следовательно, духовно-нравственные ценности семейно-родовой культуры становятся ценностями общества в целом. Высокое духовно-нравственное воспитание каждого гражданина независимо от слоя общества, в котором он воспитывался, явилось основанием для объединения общества и его массового самопожертвования в составе действующей армии и вне ее в борьбе против агрессора. Вполне логично

предположение, что именно это качество русского солдата, формировавшееся не одно столетие, делало его непохожим на других. В патриотических кругах имеет хождение приписываемое, кстати, Наполеону высказывание: «Дайте мне русского солдата и я покорю весь мир». Впрочем, мужество, самообладание и жертвенность русского солдата отмечают многие военные специалисты — свидетели эпохальных событий как до 1812 года, так и после него. С одной стороны, они подчеркивают высшую воинскую доблесть и качества русского солдата, а с другой — недоумевают по поводу причин этого феномена. Между тем разгадка сравнительно проста. Необходимо понять и изучить процесс формирования русского человека, в котором все качества закладывались с раннего детства в традиционном семейно-родовом православном укладе, продолжались в полковой, общинной, артельной и в другой общественной жизни. Немецкой муштрой и европейским образом жизни, ценностями духовной жизни, в том числе ценностями сложившейся в Европе семейно-родовой культуры, в которой превалировали экономические потребности, а не высокая духовность, этого достичь было невозможно.

Обращая пристальное внимание на эпохальные события, когда происходили объединительные процессы, исследователи неминуемо обнаружат периоды русской истории, когда такое объединение не состоялось. Эти случаи «несложившейся соборности» не имеют, к сожалению, препятствий для повторения в наше смутное время и вполне реальны. А ведь Россия сегодня как никогда нуждается в задействовании механизмов гражданского объединения.

Одним из таких периодов «несложившейся соборности» стала эпоха Первой мировой войны и, как следствие, последующих революционных событий.

Известный русский мыслитель, философ и правовед Е. Н. Трубецкой достаточно ярко описывает события этого периода и анализирует причины, послужившие основанием для распада империи и последующего революционного переворота. Он писал в 1918 г.: «...одностороннее приспособление государства к войне в наши дни было доведено до невиданного раньше совершенства и потребовало напряжения всех сил народных...»^{viii}. Если иметь в виду, что в идеале силы народные гармонично распределялись между задачами государственного строительства и традиционной семейно-родовой культурой, то длительное напряжение их бездуховной идеологией, не имеющей видимых угроз семейно-родовой культуре, действительно могло привести к истощению.

Другой причиной «истощения народных сил» стало непонимание роли и значения семейно-родовой культуры и, как результат, недооценка механизмов и возможностей ее самосохранения. Другими словами, семейно-родовая культура была уже совершенно иная, нежели в эпоху 1812 года. Как совсем иным было влияние русской православной церкви и самой православной культуры, сопровождающей и освящающей каждый шаг этой культуры^{ix}.

В конце XIX в. инстинкт семьи был подвергнут жесткому воздействию новых экономических тенденций. И прежде всего деформировались ролевые функции мужчины и женщины в семье. Новые техногенно-экономические тенденции стремились вырвать женщин из семьи, сделать из них существенное добавление к трудовым ресурсам, которые создавали товар и приносили все большую и большую прибыль фабрикантам. При этом устойчивость процессов социального и духовно-нравственного возобновления в семье не оценивалась и не принималась во внимание. Между тем общество постепенно и неумолимо лишалось своего социального и духовного источника. К 1914г. прежде весьма крепкие силы семейно-родового уклада были в значительной степени расстроены широкомасштабным промышленным развитием. (Вспомним о постоянном сравнении экономики СССР с уровнем экономического развития России в 1913 г.) Между тем поначалу стихийные, а затем формируемые рыночные потребности в дешевой производительной силе привели к нерегулируемым процессам эмансипации женщины. И, как следствие, к освобождению ее от ключевой ролевой функции духовного регулятора в семейно-родовом укладе. Если учесть, что мужчина к тому времени уже был оторван от семьи и ввергнут в молах наступающей техногенно-промышленной цивилизации, то система традиционных ценностей была в значительной степени оставлена беспризорной, потрясена, а в последующем и.. пересмотрена.

Таким образом, ценности семейно-родовой культуры, ценности православного вероисповедания уступили приоритет ценностям артельным, групповым, коллективистским, производственным. Если до этого между ценностями семейно-родовой культуры и ценностям и Отечества в целом существовал некий паритет и преемственность, то после снижения роли семейно-родовой культуры общенациональные (точнее,

общегосударственные, т. е. предельно коллективистские) ценности стали безусловно доминирующими. Без высокой духовности семейно-родовой традиции и ее влияния на общество в целом это привело к деформации того, что называлось общенациональными ценностями. Замечательно показывает последствия этого Трубецкой: «Безграничный коллективный эгоизм стал предметом наглядного обучения для всех. Все прониклись мыслью, что в интересах коллективных, национальных все дозволено. И в результате распались все нравственные навыки. Мысль об убийстве перестала казаться страшной. Вера в безусловную ценность человеческой жизни исчезла, уступив свое место чисто утилитарным оценкам жизни и личности. Не стало больше безусловных святынь в жизни. Расстрелы, «реквизиции», грабежи и всяческие другие насилия стали явлениями повседневными»^x. На ряде примеров автор примечательного труда «Смысл жизни» показывает, как все видимые и невидимые преступления могут быть оправданы «коллективным эгоизмом нации». На последующем этапе разложения «эгоизм нации» последовательно и неотвратимо подменяется «эгоизмом класса», затем — «эгоизмом партийной номенклатуры», «эгоизмом чиновничества». Манипулирование «эгоизмом государства» мы наблюдаем до сегодняшнего дня, поскольку духовные и «безусловные святыни» семейно-родовой культуры до сих пор находятся в забвении.

Исследуя с этой позиции эпоху 1812 года, следует, очевидно, признать малоэффективность безусловно имевшегося группового «коллективистского эгоизма» в деятельности русского общества 1812 года. Зато четко отмечается присутствие и влияние ценностей семейно-родовой культуры, культивируемых и освященных православным вероисповеданием. Русский офицер, следуя сентенции-поговорке, готов был отдать «Сердце — Даме, Жизнь — Царю, Душу — Богу, а Честь — никому!». Следует заметить, что под честью имелась в виду не столько личная честь, сколько честь рода, семьи. И мы имеем немало исторически доказанных примеров следования этим принципам. Было бы неправильным не видеть в этот период аналогичное отношение к чести рода и семьи в крестьянской среде, несмотря на ее экономическое и правовое порабощение. Это же отношение к чести рода можно видеть в купеческих и ремесленнических семьях. В целом мы наблюдаем достаточно высокий уровень общей духовно-нравственной культуры русского общества в эпоху 1812 года.

Достаточно последователен Трубецкой в определении причин развития революционных событий: «...Искушение (остаться живым в войне. — *АШ*) взяло силу, потому что народные массы почували обман и ложь в самой основе государства. Тогда война разом перевернула фронт, обратилась внутрь. Величайшее в мире царство рухнуло, рассыпалось в прах в несколько месяцев, потому что оно держалось не благоговением перед святыней, а силою коллективного эгоизма. Его разрушила та самая «мораль войны», та самая идеология «борьбы за существование», которая господствует в международных отношениях всего мира»^{xi}. Была ли опасность подобного революционного падения в 1812 году? Отказываясь от переговоров с Наполеоном о мире после вступления его армии в Россию, Александр I, по существу, принимал все меры по предотвращению духовно-нравственного падения в «революцию». Однако, если бы даже народ почувствовал «обман и ложь» (частные случаи, безусловно, были), революционные настроения вряд ли бы возобладали, поскольку слишком сильны были духовно-нравственные устои и семейно-родовая культура в том обществе, потребность в ее защите от врага. Что касается «морали войны», то не эта ли «мораль» уже была приоритетна в наполеоновской Европе? И не оказалась ли для нее губительным столкновение с духовной и нравственной на тот исторический момент Россией? Феномен высокодуховного противодействия всего русского общества наполеоновской стратегии «морали войны» в 1812 году требует серьезных исследований.

Таким образом, уже сейчас можно заключить, что основным в доказательстве объединяющей силы русского общества является наличие в различных сословиях, слоях и группах населения тех общих духовных ценностей и общенациональных святынь, перед которыми благоговело (говоря высоким штилем Е.Н. Трубецкого) все российское общество в 1812 году: от императора до крепостного крестьянина. Из них особо следует выделить ценности семейно-родовой культуры и православного вероисповедания, пронизывавшего каждый шаг семейно-родового уклада.

Надо отметить, что столь высокая парадигма семейно-родовой культуры в обществе основывается на достаточно прочном фундаменте русской богословской и философской мысли. Одним из известных мыслителей, обративших внимание на всестороннее воздействие на общество института семьи, был протопоп Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестр, подготовивший в XVI в. сборник наставлений и рекомендаций по православному семейно-родовому укладу. Этот сборник известен современной исторической науке как «Домострой»^{xii}. Надо отдать должное, этот сборник

наставлений и рекомендаций в семейно-родовых отношениях и русском бытовом укладе жизни сыграл исключительно важную роль в развитии и становлении гражданского общества в строящемся Московском государстве. Вместе с тем в этом труде таилось и нечто особенное. Семейно-родовые ценности, ценности частной семейной жизни произвольно выставлялись на первый план, уступая, быть может, только ценностям православия, ценностям служения Господу. При этом земные стремления к карьере, участию в службе государю и государству уходили на второй план. Это не могло не вызывать неприятия у царской власти в лице самодержца Всея Руси Иоанна IV. В какой-то мере его преследование Сильвестра и Адашева можно объяснить этим. Этим же можно объяснить непрекращающуюся борьбу государя с боярами, которые, выпячивая свою родовитость, семейственность, игнорировали интересы государства, общества в целом. Общество нуждалось в некоем гармоничном и позитивном соотношении институтов семьи и государственной власти. Однако еще долгие столетия эта тема гармоничности общества и власти не будет востребована. Не востребована она, по большому счету, и сейчас, несмотря на внимание к демографическим проблемам.

Другим известным мыслителем, давшим философскую трактовку значения семейно-родовой культуры для русского общества, следует считать А.С. Пушкина. Его гениальные строки о семейно-родовой культуре:

... Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.
Без них наш тесный мир — пустыня,
Душа — алтарь без Божества.

— переживут еще не одно столетие. Надо отметить, что 176 лет назад великий русский поэт видел глубинное влияние семейно-родовой культуры на человека, на его духовно-нравственные качества, на основы общественного строительства, чего сегодня не видит большинство ученых, общественных деятелей и политиков.

... На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, —
Залог величия его.

Так писал А.С. Пушкин о значении любви русского человека к «родному пепелищу», под которым понимался первородный участок земли, обычно выделявшийся родоначальнику (крестьянину — помещику, служилому — государем) и очищавшийся от векового леса и корней пожаром; и любви к «отеческим гробам», которую (как память о близких — отце и матери, ближайших предках) еще можно наблюдать в наше время. В последующем философского осмысления семейно-родовой культуры касались А.С. Хомяков и И.В. Киреевский, М.Ф. Достоевский и К.Н. Леонтьев, А.Н. Бердяев и В.В. Розанов, И.А. Ильин и Г.А. Флоренский. Сегодня ей посвящают труды современные, не иссякшие мыслию и духом, русские мыслители...

Очевидно, возрождение отношения к этой «животворящей святыне», свойственное русскому обществу в 1812 году, должно стать задачей современного общества, если оно не потеряло еще своего стремления к самосохранению и самовозобновлению, променяв их на частную, сугубо индивидуалистическую потребность в насковзь материалистическом, биолого-экономическом существовании, в котором будет разрушена, как считает Е.Н. Трубецкой, вся человеческая культура^{xiii}. В этом отношении мнение Е.Н. Трубецкого совпадает с выводами русского ученого Н.Я. Данилевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 89.

ⁱⁱ Рузавин Г.И., Концепции современного естествознания, М., 2000. С. 229-273.

ⁱⁱⁱ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Глаголь, 1995. С. 395.

^{iv} Троицкий Е.С. Система интересов русской нации // «Жизнь национальностей», 2004. №2. С. 9-12.

^v Валлиевский К. Смутное время. М.: СП «ИКПА», 1989.

^{vi} Князя Пожарские и Нижегородское ополчение / Авт.-сост. А. Соколов, протоиер - Н. Новгород; Саранск,

2005. С. 62-63.

^{vii} «Недаром помнит вся Россия...»: Сборник / Сост. ВГ. Левченко и ВВ. Володин, М.: Молодая гвардия, 1987.

^{viii} *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М.: Канон+, РООИР «Реабилитация», 2005. С. 262

^{ix} *Мельникова Л.В.* Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М.: Сретен. монастырь, 2002.

^x *Трубецкой Е.Н.* Указ. соч. С. 263.

^{xi} Там же. С. 264.

^{xii} *Найденова Л.П.* Мир русского человека XVI—XVII вв. (по Домострою и памятникам права). М.: Сретен. монастырь, 2003.

^{xiii} *Трубецкой Е.Н.* Указ. соч. 2005. С. 265.